

Аркадий Грищенко

Ефремов — любовь моя

повесть о жизни

Аркадий Грищенко

Ефремов – любовь моя.
повесть о жизни

«Издательские решения»

Грищенко А. А.

Ефремов – любовь моя. повесть о жизни /
А. А. Грищенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745626-9

В новой книге автор рассказывает о своей жизни, начиная с малых лет до настоящего времени. Вся она прожита в его родном городе Ефремове, расположенном у реки Красивая Меча. Здесь — прекрасная природа и несколько предприятий большой химии. Основные события, описанные в новой повести, полностью посвящены годам учебы и трудовым будням завода, на котором работал автор.

ISBN 978-5-44-745626-9

© Грищенко А. А.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Из дневниковых записей	7
Глава первая	8
Глава вторая	10
Из дневниковых записей	14
Глава третья	15
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ефремов – любовь моя
повесть о жизни
Аркадий Грищенко

© Аркадий Грищенко, 2016

ISBN 978-5-4474-5626-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Решение написать о своей жизни достаточно коротко, но понятно, возникло из того простого соображения, что кому-то, например, моим друзьям, знакомым, детям, внукам и остальным, как-то с ними связанными, могут понадобиться сведения обо мне, о моем трудовом пути, о трудностях, которые я испытал, а также о том, каким образом эти трудности были преодолены. Не знаю, требуется ли всем людям вести о себе публичные записи, кому-то они, возможно, и не нужны. Только факт того обстоятельства, что мне почти ничего не известно про жизнь моих родителей, моих тетушек и дядюшек, которых жизнь разбросала по многим городам страны Советов, сам по себе неприятен. А теперь я точно буду знать, что мои внуки и правнуки не будут спрашивать обо мне у кого бы то ни было, они возьмут в руку небольшую книжонку и в короткое время все про меня узнают. Заранее посылаю им свой пламенный привет через завесу многих лет...

Из дневниковых записей

Я не знаю людей, полностью помнящих свою жизнь, без перерыва. Жизнь любого человека остается в его воспоминаниях отрывками. Словно мозаичные осколки собраны перед круглым оконцем для просмотра на свет, так и наша жизнь – видим мы ее только частями, как раз теми, что надолго, навсегда запомнились. И чем мы старше становимся, тем мельче осколки мозаики, которые постепенно тают, словно лед на солнце.

1953 год. Внезапно возникший необъяснимый гудок со стороны завода или железнодорожной станции застал нас врасплох. Радио работало с перебоями, и мы не знали еще, что умер вождь мирового пролетариата товарищ Сталин. Над комодом в низкой комнатенке, где ютились мы с родителями, висел его портрет с девчушкой на руках. На портрете он был с веселой ухмылкой на усатом лице и по молодости лет я не понимал, почему его все так боялись. Втихаря рассказывали, что за анекдоты о нашей родной партии, о вожде – увозили людей бесследно.

Во всем этом я разобрался только через многие десятилетия, когда приоткрылись некоторые архивы в Москве, когда средства массовой информации донесли сначала крупницы правды, а затем и всю страшную правду об этом человеке. Хотя и сейчас кое-кто души в нем не чает...

2014 г.

Глава первая

Рассматриваю документы, сохранившиеся от моего отца. Нашел только военный билет и трудовую книжку. Родился он в 1905 году в Варшаве, столице Польши, бывшей тогда в составе Российской империи. После начала смутного времени передела Европы перед первой мировой войной, многие украинцы переехали в более тихие места проживания. Так многочисленная семья, где старшим сыном был мой будущий отец, перебралась в более спокойное место: в одно из сел Черниговской области – Новые Боровичи. Там он получил в школе неполное среднее образование, в дальнейшем – в 1927 году – поступил в Украинскую кавалерийскую школу им. С. М. Буденного, которую окончил в 1931 году. В 1933 году отец был уже командиром взвода отдельного кавалерийского эскадрона 50 – ой строевой дивизии. А уже в июне этого же года его уволили в запас в той же должности и в звании старшего лейтенанта. Так неудачно закончилась его воинская карьера. Причина оказалась обычной для кавалеристов, попалась сноровистая лошадь и скинула седока с седла. Получив тяжелую травму позвоночника, отец попал в госпиталь, долго восстанавливался, после выздоровления в Москве встретил свою будущую жену. И поехал за ней в небольшой городишко в трехстах километрах от столицы, имеющий определенную известность: здесь жил когда-то родной брат великого русского писателя Ивана Алексеевича Бунина, который неоднократно посещал это место и написал про природу Средне-Русской возвышенности. Бывали в этих местах и другие писатели. Достаточно вспомнить известный рассказ И.С.Тургенева «Касьян с Красивой Мечи».

Да, так именуется река, на берегу которой стоит наш цветущий город Ефремов. Отсюда родом был и знаменитый конструктор советских самолетов Владимир Михайлович Мясищев, работавший позднее и с Туполевым и с Янгелем, под руководством Мясищева были созданы бомбардировщики времен второй мировой войны, а также самолеты серии М, например, сверхзвуковой ракетносец М-50; самолет его конструкции транспортировал многоразовый космический корабль «Буран». О Мясищеве можно много рассказывать, но не в этой книжке. Герой Социалистического труда, орденосец, специалист, не боявшийся спорить с великим Туполевым... Я вообще не понимаю, почему в городах Жуковском, Москве есть улицы Мясищева, а наш город еще не получил его имя!

Вот в таком незаметном на первый взгляд городе летом 1947 года я и родился. Но раньше у моих родителей появился небольшой уютный домик в центре, а также мой старший брат Евгений и сестра Тамара. Память легко возвращает меня в давние годы, когда уже окрепшим пацаном я расчищаю наш маленький двор от снега, освобождаю калитку забора, отделяющего сад-огород от близкого тротуара. А рядом прыгает жизнерадостный черный, как уголь, пес по кличке Цыган. Улица называлась Тульской – от бывшего названия губернии. Много позже ее переименовали в улицу Ленина, видимо, навсегда. Из трудовой книжки явствует, что первой работой в Ефремове для моего отца оказалась специальность аппаратчика контактных печей только что выстроенного третьего в России завода синтетического каучука (СК). Перед самой войной отец работал военруком в школе №1, долгое время у нас дома хранился номер центральной газеты «Правда», где была напечатана небольшая заметка о его занятиях в классе и прилагалась фотография. Затем часть людей и оборудование предприятий временно эвакуировали, а после возвращения города к нормальной жизни отец какое-то время вел военное дело в школе №2. Но дольше он отработал – около десяти лет до самого ухода на пенсию в 1965 году – мастером цеха мешкотары, где женщины на швейных машинках шили кордовые мешки для готовой продукции основного в ту пору городского промышленного предприятия – завода синтетического каучука.

Дважды он брал меня с собой на Украину, когда в отпуске ездил посетить родные места. Ездили мы поездом с пересадками: сначала до Ельца, там ждали следующего поезда и добирались сначала до Орла, а уже следующим поездом – до Брянска, а затем – до белорусского Гомеля. Из Гомеля направлялись в сторону города Щорс Черниговской области, но высаживались где-то посередине пути на станции Камка. Отсюда то пешком, то на попутной телеге постепенно добирались до Новых Борович. Здесь была чистая песчаная почва, красивая глубокая, но очень прозрачная речка Снов, проглядываемая с лодки до дна, и большое количество сельских домов, разделенных улицами. Имелся свой спиртзавод, школа, большая сельская библиотека, где по записи позволяли брать мне книги домой. Дом, где жили мои дедушка и бабушка, был широкий и свободный, на чердаке я находил много всякой интересной всячины и донимал всех вопросами о назначении неизвестных заброшенных когда-то предметов. В соседнем доме жила младшая сестра отца и обедали мы всегда вместе. Старикам было около семидесяти пяти лет, в погожие теплые дни они – совсем белые от седины – отдыхали от домашних забот на деревянном чистом крылечке.

На окраине большого сада росли мои любимые вишни, очень высокие и разлапистые, я забирался на них по лестнице, ходил по могучим веткам и собирал в бидон ягоды, спуская затем на веревке отцу. Таких больших вишневых деревьев мне нигде больше не приходилось видеть. Много времени мы проводили на рыбалке. Любили ловить окуней на живца около паромной переправы, в боковых заводях, отгороженных от реки высоким камышом, а также с лодки. Даже с берега в чистой прозрачной воде можно было видеть караулящих добычу маленьких щук. Больших щук можно было поймать на блесну спиннингом. Мы приносили с рыбалки свой улов и бабушка очень вкусно жарила рыбу, а также варила аппетитную уху из небольших окушков. От этих дней, проведенных в украинском селе, у меня остались прекрасные воспоминания на всю жизнь. Люди здесь жили жизнерадостные и очень гостеприимные. Позже мой старший брат Евгений часто ездил в эти места на своей машине и со многими переписывался. К сожалению, когда у всех появились компьютеры и мы привыкли к Интернету, мне не удалось найти родных по отцовской линии через социальные сети. Украина стала совсем не той страной, которую мы когда-то знали...

Глава вторая

1 сентября 1954 года мать отвела меня в первый «А» класс Ефремовской школы №1. Сейчас я уже знаю, что когда-то очень давно три года проучился здесь сам Мясищев, об этом записано на красивой мемориальной доске у дверей школы. Ее я увидел совсем недавно, когда сходил к директору попросить данные из архива о точном составе той самой группы, в которой мы начали обучение. Всего было три первых класса: «А», «Б», и «В». В нашем 1«А» начали учебу сорок два подростка. Постепенно количество учащихся убывало из-за перехода в техникум, СПТУ, переездов в другие места проживания, в то же время появлялись новые. Но мне захотелось иметь список тех, кто пришел в тот самый первый день к нашему первому классному руководителю Александре Павловне Сахаровой, одному из заслуженных учителей области.

Фотографии того замечательного дня найти мне не удалось. Нашлась только небольшая черно-белая фотка первого дня занятий нашего 2«А» класса, сделанная уже годом позже, в 1955 году, но состав класса остался практически без изменений. Сейчас за окном – зимний январь 2016 года, значит, школа для нас началась более шестидесяти лет назад. К великому сожалению очень многих уже нет с нами, причины – самые разные: болезни, несчастные случаи... Я помню кого-то очень ярко, они оставили неизгладимый след в моей подростковой душе, некоторых помню хуже, а тех, кто учился со мной неполный срок, почти не помню. Конечно, ребята и девчата, оставшиеся работать в Ефремове, встречались чаще, почти все они работали на нашем заводе СК, у нас было много общего в жизни: завод расширялся, расширялся город, работали в разных цехах, встречались на комсомольских конференциях, обзаводились семьями, детьми.

В листке, полученном из школы, перечислены ребята и девчата, начавшие учебу в школе одновременно со мной: Владимир Нечаев, Виктор Фомичев, Николай Мухин, Владимир Урбан, Татьяна Расторгуева, Лариса Кутафина, Надежда Лобанова, Таисия Маркина, Владимир Михайловский, Николай Доброрадных, Виктор Косоогов, Татьяна Батюк, Галина Федосова, Галина Губанова, Тамара Шарова, Галина Арапова, Виктор Трофимов, Светлана Чурсина, Михаил Айрапетян, Владимир Брусенцов, Валентина Бакулина, Владимир Зуев, Вячеслав Кудинов, Анатолий Некрицухин, Лидия Панкратова, Юлия Петриченко, Александр Перекаатов, Анатолий Тихонов, Валентина Федина, Клавдия Федорова, Валентина Шемякина, Людмила Белобородова, Валерий Денисов, Галина Жданова, Юрий Жебелев, Борис Колчин, Геннадий Козлечков, Надежда Прошина, Октябрина Солопова, Борис Яшков, Татьяна Каштанова. Со мной набралось сорок два человека.

От школы, кроме уроков, у меня осталось много воспоминаний: и игры на открытой баскетбольной площадке, и лыжные прогулки по роще в сильный мороз, когда я умудрился отморозить пальцы на левой ноге, и неунывающий учитель физкультуры Губанов, и крупный красивый директор школы Петров, и мой первый школьный друг Урбан, живший рядом, прямо за баскетбольной площадкой. Но через семь лет я из школы ушел.

На семейном совете меня решили после семи классов отправить в техникум. В то время в Ефремове было только одно средне-техническое заведение, предназначенное ковать кадры для градообразующего предприятия – завода СК. Это был химико-технологический техникум, и находился он напротив нашего дома: через улицу. Родители посчитали, что стипендия студента будет неплохой добавкой в общий котел. Отец получал мало: около восьмидесяти рублей, мать к этому времени уже не работала, по инвалидности она получала всего пятнадцать рублей.

В те времена Ефремовский химико-технологический техникум был очень популярен, при поступлении выдерживался жесточайший конкурс, на каждое вакантное место претендовало до семи человек. Я удачно сдал экзамены и стал студентом. При мне учились две профильные группы: технологи и киповцы. У технологов преобладали девчонки, на КИП шли в основном ребята. В нашей технологической группе, начавшей учебу в сентябре 1961 года, было вначале двадцать семь девчонок и четыре парня. В осеннюю пору ежегодно при начале уборочных работ в селе нас брали помогать собирать картошку и выбирать свеклу. Часто для этого приходилось жить в предоставляемых временных помещениях колхозов. Учиться в техникуме мне нравилось больше, здесь было веселее в группе. И с нами занимались очень сильные преподаватели: Пикалов Анатолий Федорович (математик), Сопина (химик-органик), Ушакова (неорганическая химия), Оцабрик (процессы и аппараты химической технологии), Соломина (литература) и другие. Подготовили меня в техникуме так хорошо, что в дальнейшем было легко учиться заочно в Новомосковском филиале МХТИ.

У меня хорошо шла математика, Пикалов всегда отмечал мою учебу пятерками и четверками, тем не менее однажды я так сильно его подвел, что он мне долго не мог простить. Получилось это при взаимной проверке класса. К нам неожиданно пришли преподаватели других предметов, Анатолий Федорович, конечно, решил вызвать к доске с проверкой домашнего задания своих лучших учеников. Поскольку у него я был лучший, то с меня он и начал. И здесь произошла осечка. Не зная, что будет проверка, я не особенно на сей раз подготовился, меня как раз Пикалов спрашивал накануне. И у доски я неожиданно для него начал откровенно «плавать». Он со злостью в голосе вынужден был сказать:

– Садитель! Ставлю вам кол!

Наверное, у этого добрейшего человека тот кол был единственным за его работу в техникуме. Но злосчастный кол свое дело сделал, с тех пор у меня проблем с математикой не было и все семестры отмечались только пятерками.

Хорошо проводились в техникуме спортивные занятия. Даже зимой мы занимались баскетболом и волейболом, для чего арендовали новенький спортзал у только что открывшейся школы №58 (позже – школа №4). Проводили турниры по шашкам и шахматам. Мне очень хорошо давались русские шашки, иногда даже пытался перейти на стокеточные международные шашки, но соперников по этой игре не было, никто не хотел в них играть. На турниры по русским шашкам народу набиралось достаточно, причем мы их совмещали, те есть могли играть парни и девчата. Правда, из девчат с удовольствием играли только близняшки Миковы. Как обычно в таких соревнованиях – внутри учебного заведения – начинали играть все, кто записался на турнир, а по мере приближения к окончанию игр часть ребят их игнорировали и просто не приходили, придумывая разные предлоги. Физрук помогал оформлять корочки с присвоенными разрядами.

Лучше всех я знал своих парней, мы занимали ближе к выходу две последние парты. Обычно я сидел на занятиях с Цветковым Виталием, а Чурсин Валерий – с Николаем Фомичевым. Фомичев приезжал из села Поддолгое на велосипеде. Этот вид транспорта он выбрал потому, что на пригородном поезде одну остановку было проехать просто, но времени оставалось слишком много до начала занятий в техникуме и он приходил ко мне домой доучивать уроки. Потом он привык у нас останавливаться, хотя домик был невелик и вскоре стал нам очень низок – так быстро мы росли.

С Виталием Цветковым мы сошлись в трех увлечениях: любили находить фантастическую литературу, запоем читать ее, обмениваться понравившимися книгами, могли до позднего времени играть в футбол на катке, пока нас родители не начинали разыскивать, частенько играли в шахматы и шашки. Правда, в шахматы Виталий играл очень здорово, даже однажды сыграл со мной партию вслепую, то есть не глядя на доску, раньше я о таком только в книгах про великих гроссмейстеров читал. Поэтому мы старались чередовать свою

игру, играли то в шашки, которыми я занялся очень серьезно, изучая теорию по найденным книгам, то в шахматы. Но все равно в итоге по сумме сыгранных партий Цветков всегда меня опережал. У него из-за прекрасной памяти и в шашки хорошо шла игра. Еще мы с ним придумали на уроках и переменах сочинять всякие смешные истории про Фомичева и Чурсина. Я писал текст, а Виталий оформлял иллюстрации, он неплохо рисовал. У меня скопилось несколько таких тетрадей, они долго у меня хранились, мои дети даже рассматривали эти опусы и заразительно смеялись. Постепенно тетради порвались и были успешно выброшены в мусорное ведро. Но страсть к сочинительству у меня с тех пор осталась и, уже работая, я помещал в нашей заводской многотиражке юморески под разными псевдонимами.

Цветков, Чурсин и я с удовольствием гоняли мяч на соревнованиях дворовых команд. Играли за улицу Свердлова, но всегда неудачно. Большерослые ребята с двадцать пятого квартала обычно нас обыгрывали. Мне приходилось чаще всего занимать место в воротах, остальные входили в число полузащитников, нападающих. Это было время, когда наша сборная страны, бывшая олимпийским чемпионом Мельбурна 1956 года и обладателем Кубка Европы 1960 года, показывала прекрасную игру. Мы находили, у кого посмотреть телевизор во время трансляций, которые комментировал Вадим Синявский, и истово болели за таких асов советского футбола, как Воронин, Иванов, Численко, Шестернев, Месхи, Метрели и, конечно, великий Лев Яшин! Вот на кого мне хотелось быть похожим, так же ловко вылавливать из воздуха пущенный мощнейшим ударом футбольный мяч! Но это были только мечты... Мы с ребятами следили за выступлениями нашей заводской командой «Химик», которая считалась крепким орешком в чемпионате области, где тогда блистал лидер Ефремовской команды Мироевский.

Я уже учился на четвертом курсе, когда наш техникум выставил команду на городские соревнования между учебными заведениями. Это была осень 1964 года. В техникуме появился парень, страстно влюбленный в футбол, он был еще первокурсником, но владел футбольным мячом филигранно, правда из-за молодости за взрослую команду играть его не брали. Такие правила тогда строго выдерживались. Добившись у директора – через нашего физрука – участия в городском турнире, Женя Вепринцев начал собирать команду сам. Меня вытащил на поле вратарем, хотя я не хотел быть «крайним», понимал, что слабоват для крупных соревнований.

– Не волнуйся! – сказал он мне. – Мы тебе поможем. А я тебя отдельно потренирую.

Однако в первой же игре со школой №5, играя против солнца, я умудрился пропустить в ворота мяч – он после навеса противника в сторону ворот юркнул между верхней штангой и моей кепкой. Велико было ликование пришедших смотреть игру болельщиков той школы, угрюмыми стали лица наших игроков. Во втором тайме Вепринцев исправил мою ошибку, красиво забив ответный мяч. Потом были еще матчи, где мы набирали очки, а у меня прибавлялся опыт. К концу турнира мы с моей бывшей школой подошли лидерами с разницей в одно очко. Тогда за выигрыш полагалось два очка, за ничью – одно. Ребят из школы №1 я побаивался, там некоторые играли очень прилично, особенно отличался Михайловский Володя. И встреча прошла очень напряженно. Был момент, когда Михайловского вывели один на один со мной, но в каком-то дальнем броске, выполненном из последних сил, я смог кончиками пальцев перевести мяч за линию ворот, Михайловскому не удалось до него дотянуться. Вскоре после этого удалась острая атака Жени Вепринцева и он забил победный гол. Так мы стали победителями соревнований и нам всем присвоили третий разряд по футболу. И вручили переходящий приз.

В следующем году Евгений вошел в основу «Химика», а через год его забрали играть за команду «Штамп» в Тулу. Дальше у него сложилась очень интересная судьба. Он был одним из ведущих тренеров хоккейных и футбольных команд Тулы. Последняя его работа оказалась директором ДЮСШа Тульского футбольного клуба «Арсенал». 14 декабря

2013 года, на 69-ом году жизни, будучи в туристической поездке с женой в Таиланде, Вепринцев умер от инфаркта. В Туле учрежден ежегодный турнир, посвященный его памяти.

Из дневниковых записей

Как раз в то время, которое у меня появилось после окончания техникума и до поступления на работу, начали сносить личные домишки на углу улиц Тульская и Лермонтова, а живущие в них семьи переселяли в новый, только что построенный пятиэтажный дом в этом же квартале. Такие дома позже стали называть «хрущевками». У родителей был выбор остаться в городе и получить в этом доме двухкомнатную квартиру, либо переехать на микрорайон, расположенный в двух-трех километрах от тех мест, где мы привыкли бывать, от знакомых и друзей, живших поблизости. Мать с отцом выбрали свой старый квартал. Так мы очутились в двухкомнатной квартире на третьем этаже с балконом. Общим недостатком квартиры был тот, что она являлась угловой, в ней всегда было холодно в зимнее время года, хотя мы пытались кое-что предпринять. Угловые квартиры в «хрущевках» всегда отличались такой особенностью. Кое-кто наращивал количество секций у тепловых батарей, но обычно это мало помогало. Мать приняла решение разделить вторую комнату на две небольшие комнатки, убрав встроенный в ней маленький чуланчик. Нам это позволило создать две спальни: побольше – для родителей, и поменьше – мне. Я в своей комнатке кроме пружинной кровати поставил небольшой книжный шкаф и потихоньку набивал его любимой фантастикой. В то время в магазине купить приключенческую и фантастическую литературу было сложно, но иногда удавалось. Фантастикой меня увлек Цветков, он брал ее в библиотеках, иногда покупал, занимал у товарищей и соседней почитать. Потом делился со мной, некоторые свои книги оставлял мне. У него была прекрасная память, он не перечитывал книги, как я. Понравившуюся мне книгу я мог через месяц-два читать вновь, как новую, потому что забывал половину содержания. А книги, увлекавшие нас, были написаны самими Стругацкими, Иваном Ефремовым, Станиславом Лемом, Айзеком Азимовым, Виктором Савченко, Георгием Гуревичем. Уверен, что современные любители фантастики не всех этих авторов знают.

2014 г.

Глава третья

В 1965 году Ефремов был небольшим тихим городком, каких много на Средне-Русской возвышенности. Отличался этот город тогда только тем, что на пуск нового производства СКД сюда съехалось очень много всякого люда: строители, монтажники – они построили да и остались осваивать новые цехи аппаратчиками, слесарями, электромонтерами, лаборантами.

В цех ДК1—3 меня направил однурукий Вязов Борис Михайлович, заместитель директора по кадрам, бывший фронтовик. Вообще-то распределение после окончания техникума я получил в поселок Шварцевский, на витаминный комбинат, но старший брат Женька попросил начальника цеха ДК-5 Сиразиева уговорить отдел кадров оставить меня в Ефремове, как способного парня, который может принести пользу заводу. Сиразиев дал на меня письменную заявку. Он меня, наверное, тогда и не помнил уже, хотя дипломную практику я проходил как раз в цехе ДК-5, рассчитывал узел хемосорбции. Руководителем практики был определен заместитель Сиразиева Ившин. Это было первое мое знакомство с новым производством СКД, оно совсем не было похоже на старое производство, где выпускали каучук в «слонах» по технологии газовой полимеризации. Там были низкие корпуса цехов, блеклые эстакады, плохие дороги, где всегда было грязно в дождь. А здесь стояли просторные светлые корпуса, которые поражали воображение, дороги на новом производстве были покрыты свежим асфальтом и чувствовалось стремление наводить чистоту и порядок и в дальнейшем.

Помню, как на производственной практике в цехе ДК-5 ходили мы с Фомичевым в дневную смену, но сдружились больше со сменой «Б», начальником смены у них был тогда Тюханов. С ними однажды мы поехали в Москву. Этой поездкой мне и запомнился веселый коллектив цеха ДК-5, вся хемосорбция и практика. Небольшая группа собралась ночью после последней вечерней смены к автобусу, мы тоже пришли. Загрузились, поехали. Поскольку автобус заказали для поездки в Третьяковскую галерею, мы с Колькой очень были удивлены, когда обнаружили в автобусе много пустых сумок. Особенно это было заметно на обратном пути, когда эти сумки распухли и мешали в проходе. Мы с удовольствием осмотрели все закоулки Третьяковской галереи, запомнились нам полотна разных художников, позже эти картины встречались во всяких книгах, но больше мне в Третьяковке побывать не пришлось. С цеха ДК-5 там мы никого не встретили, а когда спросили на обратной дороге, был ли кто из наших попутчиков в галерее, они все очень удивились такому вопросу. В те времена это оказалось частой практикой, когда завком профсоюза откликнулся на просьбу трудящихся посетить в выходные какое-то культурное заведение в столице и помогал выделить бесплатный транспорт. Был тогда у завода прекрасный венгерский автобус «Икарус». Желающие добирались до столицы и находили в магазинах необходимые продукты питания, заморские фрукты, обувь и другие предметы, которых в Ефремове достать было невозможно. А в заказанные культурные заведения, конечно, добраться времени не оставалось. Обратная дорога обычно была значительно веселее, подвыпившие работники завода пели различные советские песни и рассказывали интересные анекдоты.

В приемной Вязова было многолюдно. Когда я с документами зашел к нему, Борис Михайлович просмотрел их, хмуро взглянул на меня, стукнул кулаком по столу и сказал:

– Аппаратчиком пятого разряда в цех ДК1—3!

А когда я попытался напомнить про Сиразиева, Вязов повторил фразу и поставил свою визу на верхнем уголке заявления. С этим я и вышел. Тогда я был немного огорчен, что не попал в цех ДК-5. Но, конечно, был доволен, что остался в городе, дома. Моих друзей Цветкова Виталия и Фомичева Кольку все-таки отправили в Шварцевский. Четвертый

парень, что с нами учился, Валерка Чурсин, так и не успел поступить на работу, хотя его тоже оставляли в Ефремове. Из-за того, что он был на полгода старше нас и родился в декабре 1946 года, его забрали в армию. И оттуда два года он писал мне письма. Этих писем уже нет давно, но я все помню, что там было написано. Армия многим вправляла мозги и после все мы смотрели на жизнь по-иному. И до сих пор, несмотря на многочисленные изменения в обществе, на эти обратные революции, на распад так называемой социалистической системы, армия у всех нас, живущих на просторах России, в любом ее уголке, в любом городе, даже таком мегаполисе, как Москва, у всех она вызывает самые противоречивые чувства, но чаще горечь, когда мы вспоминали такое ненавистное слово – дедовщина. Нужно отметить, что дедовщина была всегда и не только у нас, но и в других армиях мира, просто тогда мы этого не знали.

Впервые я пошел на работу 5 августа 1965 года. Робко, как говорится в таких случаях – «на полусогнутых», входил я в кабинет начальника цеха Грачева. Говорили, что он очень строгий. На производство СКД он пришел с цеха полиизобутилена и бутилкаучука 100—112. Тогда в том цехе скопилось много способных молодых инженеров и новое строительство как раз позволило им раскрыться полностью. Грачеву дали самый крупный цех ДК 1—4, таких больших еще на нашем заводе не было, да и не будет теперь никогда. Постепенно от этого цеха отделилось производство ТИБА – цех ДК-4, а после нескольких тяжелых несчастных случаев в отделении сушки каучука и цех ДК 1—3 поделили на два: цех полимеризации ДК 1—2 и цех выделения и сушки каучука ДК-3. Второе разделение произошло значительно позже, когда выходили уже на значительную выработку готовой продукции. А я пришел еще в цех ДК 1—3 и в кабинете начальника цеха, увидев несколько человек, решил, что начальником является самый крупный и представительный. Так все покупались, когда впервые появлялись здесь. Грачев Владимир Александрович в пору своего расцвета был живой, как ртуть, очень энергичный, мгновенно реагирующий на все вокруг человек небольшого роста. Мне лично очень нравилось с ним разговаривать, следить за его рассуждениями, выводами. Процесс полимеризации СКД тогда находился на стадии изучения. Подачу на полимеризационную батарею держали не более полкубометра дивинила в час и пробовали разные режимы. Этим меня и послал заниматься Грачев, определив аппаратчиком полимеризации в смену «Б». Сейчас я не помню уже, в день я начал работать или с ночной смены. Начальником смены у нас был Давыдов Евгений Алексеевич, старшим мастером – Мальцев Виктор. Кстати, сменой «В» руководил мой брат Евгений, тоже переведенный в новые цехи завода из цеха 100—112. Первым моим наставником, инструктором производственного обучения был аппаратчик полимеризации Ермаков Виктор Александрович. Нужно сказать, что каждый, с кем мне там пришлось столкнуться, как и везде, имел свой характер, свой жизненный опыт, свое кредо в жизни и... даже не знаю, как сказать еще! В общем, все они, как и положено, были такие разные и в то же время дружные, этого не отнимешь. Сейчас такого нет, люди, несмотря на то, что их на планете становится больше и больше, понемногу отчуждаются, болеют личными проблемами, им наплевать на остальных. Тогда сменами собирались и ходили в кинотеатры, ездили в походы, на турбазу, в другие города, играли в футбол. Конечно, мы тогда были молодые. Но сегодня молодые так делают? Больше пьют водку по гаражам!

В первую очередь Виктор Ермаков стал обучать меня взаимоотношению с людьми, знакомить со всеми. Он привел меня на усреднение, обнял упирающуюся красивую женщину и сказал мне примерно следующее:

– Аркадий! Василий Иванович Чапаев был мудрый человек, он не раз говорил, что всех женщин в мире поиметь нельзя, но стремиться к этому надо!

Чмокнув в щеку не успевшую отстраниться женщину, он резво отскочил в сторону и помчался от нее, так как она уже размахивала железным крюком.

– Вот нахал! – говорила она, краснея на глазах, как молодая девочка.

Много позже эта женщина – Люся Третьякова – уже будучи на пенсии, приезжала в Ефремов со своей родины, выглядела не как раньше эффектной красавицей, а очень худой, плакала, что не смогла нормально устроиться в жизни, что у нее онкология. Я понял этот приезд, как прощание с людьми, которых она знала, с которыми много работала. Через короткое время мы узнали о ее смерти.

Жизнь и смерть переплетены в этом мире, без жизни не было бы смерти, никому ее не избежать. Когда умирают незнакомые люди, на это обычно внимания мы не обращаем. А вот когда умирают те, с кем много лет знался, работал, встречал праздники, рядом жил – в такие дни ходишь сам не свой, очень переживаешь. Чем старше становишься, тем чаще думаешь: «А ведь скоро и твоя очередь!»

Таких женщин, как Третьякова, было много в цехах нового производства. Они откликнулись на призыв о комсомольской ударной стройке и начинали каменщиками, штукатурами, бетонщиками, приехав с самых разных мест.

Заместителем начальника цеха по технологии был у нас Марков Борис Александрович. В 1965 году ему было 27 лет, он ходил важный и писал длинные путанные распоряжения мало разборчивым почерком. Над ним подтрунивали за глаза, аппаратчик полимеризации центрального пульта управления Валентина Малышева первой при мне дала ему прозвище Маркиз, так за ним и осталось на всю жизнь. Со временем он защитил кандидатскую диссертацию и был назначен главным инженером завода.

Секретарем комсомольской организации цеха был Изотов Сашка. Он вел боксерский кружок в выходные, заочно учился в Московском институте и подменял мастера по ремонту. В тот далекий год цех только сформировался и молодежь была сплошняком, почти половина, комсомольская организация была самая большая на заводе по технологическим цехам. При моем появлении Изотов сразу стал нащупывать почву для освобождения от своей обузы, что в дальнейшем ему и удалось. Уже на следующих выборах секретарем стал уже я...

Сейчас, по прошествии стольких лет, многое кажется наивным. Но ведь все это было и было именно с нами, в наше время. Приходилось много времени тратить на организацию собраний, заседаний бюро, воспитывать «нерадивых» комсомольцев, организовывать вечера, посещать обще заводские комсомольские мероприятия. Хотя сейчас я откровенно скажу, что все это было искусственным сооружением, без которого малыми силами, малыми затратами люди могли бы добиться того же. «Не дави на меня морально, лучше помоги материально!» – эту формулу однажды я услышал от девчонки, которую пытался воспитывать – кажется, она была в прогульщиках и по общественной линии мне пришлось этим делом заниматься.

Аппаратчиками полимеризации в смене «Б» в 1965 году были Кутепов Виктор и Демкин Михаил Иванович. Кутепов был старше меня на четыре года и сразу сводил меня в рядом расположенную лабораторию, которая обслуживала наш цех по анализам.

– Аркадий! – сказал он. – Ты, главное, не теряйся. Смотри сколько девчонок! Все молодые, красивые. Пойдем, я тебя с Маринкой познакомлю. Егорова ее фамилия. Мы с ней подружились, в кино ходим. И ты себе девочку найди.

Действительно, в лаборатории тогда были на редкость молодые симпатичные и красивые девчата, все в белоснежных халатах. А Маринка Егорова чуть ли не в тот же год стала Маринкой Кутеповой.

В августе 1965 года большая группа работников завода сдавала экзамены на заочный факультет Новомосковского филиала МХТИ им. Менделеева. Нас было около двухсот человек. Завод расширялся и решили подковать кадры, так сказать, до высшей кондиции. К нам

в заводской клуб «Химик» привозили на автобусе всех преподавателей на каждый экзамен по направлениям. Я жил рядом с клубом, в ста метрах. Но на первый же экзамен умудрился проспать. Это было так нелепо, что когда я проснулся и понял, что проспал, то был в шоке, наверное, с полчаса. Дома в тот день никого не было, а будильник не прозвенел. Мне сразу грозил весенний призыв в армию, а после двухлетней отбывки захочется ли учиться? Сейчас у меня было желание учиться, да и ситуация позволяла: был холост, работа не такая уж тяжелая, знания после техникума – свежие.

Прибежал я в клуб около одиннадцати часов, но все уже было закончено, меня встретили недоуменно. Один из преподавателей подал мне хорошую мысль:

– Попробуйте связаться с деканатом в Новомосковске, позвоните им отсюда, с почты, телефон я вам дам. Послезавтра приезжают принимать химию на другой поток, может быть, вам и разрешат сдавать с ними. Правда, вам придется сдавать сразу два экзамена!

Конечно, я не сообщил новомосковцам о том, что попросту проспал. Они бы со мной, наверное, и разговаривать не стали бы. Созвонился я с деканатом, убедил их, что не смог по воле случая своевременно вернуться из командировки – я не любитель врать, но для пользы дела пришлось отступить от принципа! И мне разрешили сдавать экзамены. Дальше прошло все замечательно, я поступил. Нужно отметить, что не поступило очень мало наших. К тому же слабых мы же и подтягивали. Мне много позже двое парней напомнили, что я им на математике, на химии подсказал удачно, но хоть убейте, ни об одном случае память не сохранилась, все это было, видимо, автоматически, как у всех студентов мира.

В начале сентября нас на двух автобусах отвезли в Новомосковск, прочитали нам вступительные лекции, раздали методические указания и мы, вернувшись к своей работе, начали учиться заочно. Вот здесь-то я и вспоминал с благодарностью моих преподавателей из химтехникума, которые обучили нас в достаточном объеме тем предметам, которые углубленно пришлось изучать в институте, но уже самостоятельно. Я своевременно делал контрольные и получал ученические отпуска.

Новое производство между тем потихоньку начинало увеличивать выпуск продукции. Уже подачи были до кубометра дивинила в час, уже пускали две полимеризационные батареи одновременно. Всего у нас было смонтировано четыре полимеризационные батареи по тринадцать полимеризаторов в схеме. Жизнь показала ошибочность теоретических расчетов и со временем из этих четырех батарей сделали восемь батарей – по шесть и семь полимеризаторов в батарее. Благодаря разработкам заводских исследователей из центральной заводской лаборатории совместно с цеховыми специалистами были найдены различные схемы подачи катализаторов и шихты: в два, в три потока. Была произведена замена насосного оборудования на подаче катализаторов, антиоксиданта. Конечно, все это делалось не быстро, внедрялось все постепенно. Но цех становился все более продуктивным. Управление процессом перевели на нулевую отметку, и аппаратчики полимеризации находились теперь у приборов – регистраторов температуры по аппаратам, сами меняли дозировки катализаторов. До этого управление процессом велось из центрального пульта управления, находящегося на высоте двенадцать метров. Такая отдаленность от батарей, из аппаратов которых мы отбирали полимеризат для анализа, приводила к частому браку.

Одним из самых ярких людей на полимеризации мы считали Демкина Михаила Ивановича. Он был с 1922 года рождения, воевал на фронте в Великую отечественную войну и у него была своеобразная контузия в голову: когда он волновался, нервничал, или был под хмельком, голова у него подергивалась и правый глаз подслеповато помаргивал. А нужно прямо признать, что в нашем цехе было что выпить. Тепло, выделяющееся при полимеризации, снимали с помощью циркулирующего в рубашках аппаратов рассола, состоящего из водноспиртовой смеси. Ребята в сменах специально готовили выпивку из рассола, отпа-

ривая острым паром неприятный запах. Доходило до того, что не принимали смену, если не передавалось по смене ведро отпаренного рассола. Крепость его, видимо, была небольшая, поэтому пили помногу. К счастью, ни разу не пробовал эту гадость и ничего не могу добавить о ее вкусовых качествах.

Начальники отделений вели вялую борьбу с подобным рассоловарением, инициировали увольнение попавшихся на приготовлении. Но помогло только самое радикальное средство – через несколько лет перешли на другой рассол – водный раствор хлористого кальция.

Демкин тоже старался не пропустить возможность даровой выпивки, но все-таки знал меру и пьяным мы его из завода не выводили. Он был очень впечатлительный человек и очень веселый. Как у всех, у него были свои недостатки. Он мог заслушаться интересного разговора и забыть что-то сделать, порученное ему старшим мастером. Мог молча ходить около своей батареи и ни с кем не разговаривать. Однажды его ребята окликнули, когда он уже открыл прием трансформаторного масла в лубрикатор, позвали. Он отмахнулся – не видите, мол, что делаю?

Его настойчиво позвали еще раз, показав издали, что всего на секунду. Он нехотя подошел, то и дело оглядываясь на лубрикатор, который мог переполниться.

– Михаил Иванович! – начал тот, кто хотел разыграть Демкина. – Здесь у нас спор возник. Я вот говорю, что ты по-другому все рассказывал.

– А что рассказывал? – сразу заинтересовался Демкин. – О чем речь-то?

Шутник и завел его на любимую стезю:

– Да вот после войны ты приехал в Ефремов, город был голодный, а ты был с фронтowym пайком. Помнишь?

– Ну?

– Вот те и ну! Та баба, с которой в роще договорился встретиться, ведь из-за пайка пришла? Было дело?

– Было... – мечтательно сказал Михаил Иванович, вспоминая молодые годы. Было понятно, что про лубрикатор и открытое для его наполнения масло он уже полностью забыл. – Помню, есть она очень хотела. Я ее накормил, спирта выпили.

– А дальше?

– А что дальше? Когда до дела дошло, она разделась, улеглась здесь же у березок. А я что-то сильно так захмелел, мужики, смотрю через хмель на нее, в глазах двоится. Все у нее такое крупное, лохматое, не терпится ей, давай, мол, быстрее... С голодухи ее что ли так быстро разобрало, не знаю. Только не скрою – заробел я немного и березками, березками от нее сбежал! Потом весь год старался ей на глаза не попадаться. Такой вот казус у меня вышел. Врать не буду...

Он отошел от ребят и присел у приборов своей батареи, видимо, нахлынули и дальнейшие воспоминания. А когда Демкину пришла пора смену сдавать, и он задумчиво пошел обходить рабочее место, то все увидели его бегущим во всю прыть с криком:

– Какая зараза масло в лубрикатор мне открыла. Там теперь озеро налилось?!

Мне рассказывали про шутку, которую устроил Демкину в смене «В» Василий Иванович Малютин. Обычно между сменами всегда есть определенное соперничество. Это во всех цехах наблюдается, не только в цехе ДК 1—2. Как-то Демкин попал в смену «В», то ли смену кому-то задолжал, то ли его вызвали из-за чьей-то болезни. И Василий Никитович Малютин – тоже один из старых работников цеха – принес Демкину обычный технический манометр со вскрытым корпусом и спросил:

– Михал Иваныч! Спорим, что у тебя кишка тонка надуть пару атмосфер?

Это был смертельный вызов. Демкин не терпел, когда кто-то в его способностях сомневался, он сразу весь подобрался:

– А ты надуешь?

– А то!..

Малютин набрал воздуха в легкие и дунул в штуцер манометра, причем мизинцем отогнул пружину. Манометр показал почти четыре атмосферы! Демкин чуть не подпрыгнул от изумления, он вытаращил глаза:

– Ну и ну! Дай я!

Малютин отдал манометр, а Демкин не обратил внимания, на комплектность манометра и стал изо всех сил дуть в штуцер, но стрелка, конечно, даже не шевельнулась. В подобных случаях Демкин только разъярялся, горячился. Он дул так сильно, что покраснел, затем посинел. Потом говорит:

– Ну-ка, еще попробуй!

Малютин повторил фокус и опять стрелка ушла почти за три атмосферы. И вновь Демкин дул, затем сдался, хотя нелегко это далось. Ведь у него четкое было отношение к молодежи (хотя Малютин был моложе только лет на шесть). А когда узнал, что его дурачили, то долго изучал устройство манометров и пытался на других применить ту же шутку, но не вышло, все уже были к этому готовы, все уже все знали.

Он был совсем невысокого роста, нос – картошкой. Очень любил эротические, матерные анекдоты, просто заслушивался их, а потом заразительно смеялся вместе со всеми. В начале восьмидесятых годов, уже находясь на пенсии, он долго болел и умер от старых военных ран. Когда мы встречаемся с работниками цеха тех лет, первым делом мы вспоминаем именно Демкина – грустного, веселого, задумчивого... Может, он и не всегда мог откликнуться на призыв о помощи, но его непосредственность, постоянное трудолюбие снискало к нему уважение, и мы всегда жалеем о том, что он умер таким еще в общем-то молодым. Ведь шестьдесят лет – это не возраст для таких людей!

Чаще всего вспоминаем мы случай, когда с Демкиным пришлось бегать наперегонки. Надо сказать, что, несмотря на небольшой рост, Михаил Иванович был крепким физически, жилистым человеком. И он всегда говорил, что молодое поколение получилось хлипким, не чета им, которые родились в двадцатых годах.

– Вот давай в столовую наперегонки побежим! – пристал он ко мне однажды в вечернюю смену.

Тогда нам уже начали давать талоны для лечебно-профилактического питания. Я обычно, как положено, принимал это питание до работы, поэтому в рабочее время в столовую не ходил. А некоторые аппаратчики ходили в столовую №9, расположенную около ТЭЦ, прямо во время смены. Тогда только в столовой №9 кормили по талонам ЛПП. Но бежать в столовую около восьмисот метров мне совсем не улыбалось. К тому же с жилистым Демкиным еще неизвестно, кто победит. Поэтому, видя интерес на лицах наших товарищей, которые собрались у стола Демкина и с любопытством ждали моего ответа, я сделал контрпредложение:

– Михал Иваныч! Я сегодня уже обедал, зачем мне в столовую бежать? Если уж хочешь посоревноваться, то давай здесь же, в цехе и пробежимся. Будет у нас спринт, побежим поперек цеха от одних ворот до других и обратно. Это 108 метров.

Теперь все глаза с надеждой обратились к Демкину, все хотят зрелищ, даже на работе. Мы сняли телогрейки – дело было зимой. Демкин даже разулся и бежал в шерстяных носках. Старт от ворот мимо рабочих мест нам дал тогдашний начальник смены Морозов Игорь Георгиевич.

Мы побежали. Я чувствовал, что Демкин пытается не отстать. Но я был выше, ноги длиннее, а, значит, в спринте имел неоспоримое преимущество. Но все-таки старался, как мог, добежал до ворот, едва их коснулся и рванул обратно. Вот здесь-то топота почти босых ног Демкина я не услышал и еще прибавил ходу, так как подумал, что он хитрит, бежит тихо,

чтобы обогнать меня рывком на финише. Добежал до ворот, коснулся их. Ребята, смотрю, смеются, я оглянулся. Оказывается, Демкин, пытаюсь получить преимущество за счет резкого отталкивания обеими руками от ворот, попал в дверной проем, дверь сразу подалась под напором тела, и он вывалился наполовину наружу в снег, только ноги его и торчали в цехе.

Больше таких гонок мы в смене не устраивали. Бывало, когда смена была поспокойнее, играли в футбол набитой ветошью рукавицей или банкой от респиратора. Банка искрила нещадно, но ни начальник смены, ни пожарники не запрещали нам нарушать технику безопасности, даже иногда сами присоединялись к нам.

В футбол мы начали играть в смене после появления усатого Тихона Рязанова. В двадцать семь лет он пришел на полимеризацию ко мне стажером, я его всему научил и он был на очень хорошем счету в цехе. Позже он был членом партийного комитета завода. В середине семидесятых годов его не стало, он утонул на туристической базе, утонул совершенно по-глупому – захотелось искупаться вечерком в одиночестве, да еще нетрезвому.

Тогда разыгрывались первенства завода по футболу среди цехов по разным видам спорта: по легкой атлетике, пулевой стрельбе, волейболу, футболу, русскому хоккею, по лыжным гонкам, шашкам и шахматам. Меня тоже втянули в цеховые команды и пробовали везде.

В футбольной команде цеха ДК 1—2 меня поставили на ворота, иногда только давали возможность поиграть защитником, если появлялся вратарь получше. Хорошо играли за цех тогда Виктор Кутепов и Афонин, Тихон Рязанов, Марков Петр.

Первое мое поручение от комсомола в новой организации, как только я пришел в цех, было шефство над школой. Меня и еще троих девчонок направили пионервожатыми в школу №8 на микрорайон. Мне пришлось идти одному, потому что у девчонок были молодые мужья и чихать они хотели на этих пионеров. Меня коробило от такого отношения к комсомольским обязанностям, другие относились спокойно. Кажется, девчонкам объявили выговор с занесением в комсомольскую карточку. Они, наверное, от выговора до сих пор от страха трясутся! А я всегда старался выполнять все поручения и очень неприятно мне было, если что-то не получалось, если меня начинали ругать по общественной и производственной линиям. Поручили идти в школу – я и пошел однажды после работы. Приняли меня там очень хорошо. Преподаватели – тоже молодые девчонки, может, на два-три года меня старше, – старались познакомиться, подружиться. Мне показали мой класс, где я должен был быть вожатым, а поскольку близился Новый 1966 год и рутинная работа новым знакомым, видимо, надоела, они собрали по паре рублей, с меня взяли и купили спиртного в ближайшем магазине. Мы продолжили знакомство в учительской. Они узнали, где я работаю, с кем, что читаю, попросили любимые книжки дать почитать. Я слышал их разговоры друг с другом. Для меня приоткрывался иной мир. И хотя я в итоге не сблизился ни с кем из учителей, на всю жизнь осталось это все в памяти. Мне показалось, что я понял их работу, проникся их духом. Это же очень сложно – научить молодого человека, мальчика или девочку, найти себя в жизни, не дать потеряться, как модно сейчас говорить. Иногда я подумывал о том, чтобы перейти работать учителем, быть таким же строгим, но чрезвычайно справедливым, как герой Вячеслава Тихонова в фильме «Доживем до понедельника».

При первой же встрече с закрепленным классом мне удалось заинтересовать их игрой в хоккей. Одно дело выйти молодому парню на школьную залитую льдом площадку и одному постучать клюшкой и шайбой о заграждение. И совсем другое дело собраться всем классом, разделить на две команды и сыграть настоящую игру на время. И чтобы кто-то старший справедливо судил такую игру. И чтобы свои девчонки с восторгом болели на этой игре. Ребята были очень довольны моим шефством, но оно оказалось довольно коротким. Мне кроме комсомольских поручений необходимо было готовиться к сессии, сдавать контрольные работы, ездить в Новомосковск сдавать экзамены. Ведь не всегда удава-

лось сдать все во время. Так курсовой проект по «Деталям машин» мне пришлось готовить два года, я вначале не очень понимал, как за него взяться. Там нужно было рассчитать и начертить настоящий шестеренчатый редуктор. Слава богу, что из-за задержки с курсовым мне не уменьшили ученический отпуск, а могли вообще его лишить и пришлось бы заниматься в институте в свое личное время, отпросившись с работы за свой счет. Но время шло, к одновременной работе и учебе мы привыкли, и учеба постепенно стала нас мало тяготить. Мы уже находили разные возможности. Так однажды, накопив задолженностей, я смог за одну поездку в один день сдать сразу три важных экзамена. У меня остался день в запасе, и я решил посетить своих однокурсников в поселке Шварцевский.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.